

M.V. Savel'yeva

INVALIDITY OF TRANSACTION DISTURBING PUBLIC ORDER AND MORALS: PROBLEMATIC ISSUES OF LEGAL REGULATION

Mariya Savel'eva – Senior Lecture, the Department of Civil Law and Civil Process, Saint-Petersburg University of MIA of the Russian Federation, PhD in Law, St. Petersburg; e-mail: 9380379@gmail.com.

In the modern context particular attention should be given to the value assessment of measurement and generalization of social changes. The relationship between rights and morality most vividly appears in challenging situations, wherein disputes in civil cases with regard to the breach of morality and rights related requirements might not only deal with delictum obligations but also can stem from contractual obligations.

The article focuses on practical realization of legal and moral requirements in the modern society. The author examines the nature of «morality» in modern international and Russian rules of law. Particular attention is given to the analysis of law enforcement practice in the course of determining morality and ethics related boundaries in contractual obligations. The author elaborates on the essence of this legal norm for civil legal regulation of the right while placing limitation on the freedom of contract.

Keywords: *invalid transactions; void transactions; antisocial transactions; illicit deals; transactions contra morality and law and order; bonnes moeures.*

М.В. Савельева

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ СДЕЛКИ, НАРУШАЮЩЕЙ ОСНОВЫ ПРАВОПОРЯДКА И НРАВСТВЕННОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Мария Владимировна Савельева – доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса, Санкт-Петербургский университет МВД России, кандидат юридических наук, г. Санкт-Петербург; e-mail: 9380379@gmail.com.

В настоящее время особого внимания требуют ценностные оценки изменений и обобщений социальных перемен. Взаимосвязь права и морали нагляднее всего представляется в проблемных ситуациях, при этом споры в гражданско-правовой области о нарушении моральных и правовых требований могут относиться не только к деликтным обязательствам, но образовываться из договорных обязательств.

Практическая реализация правовых и моральных требований в современном обществе является предметом исследования в настоящей статье.

Автором исследуется природа понятия «нравственности» в современных зарубежных правовых системах и России. Анализируется правоприменительная практика при установлении границ морали и нравственности при договорных обязательствах. Конкретизируется значимость данной нормы для гражданско-правового регулирования права при установлении ограничений свободы договора и морали.

Ключевые слова: *недействительные сделки; ничтожные сделки; антисоциальные сделки; противоправные сделки; сделки против нравственности и правопорядка; bonnes moeures.*

Современный философский словарь определяет категориальное понятие «нравы» как стабильные, предельно медленно изменяющиеся общественные привычки, одобряемые большинством представителей той или иной социальной формы [11, с. 422].

Трансформация нравственных норм, обусловленная глобализацией процессов, происходящих в современном мире, не устраняет общечеловеческих истин как критериев оценки, помогающих развиваться праву. Критерий оценки введен из-за разнообразия жизненных ситуаций при изменчивости систем ценностей, особенно системы нравственности, с ее центральной идеей – справедливости, является социальным продуктом общества и отличается от других систем сообразно природе того общества, в котором возникает.

Повсеместно судебная практика стремится свести понятие добрых нравов (*bonnesmoeures*) или публичного правопорядка (*publicpolicy*) к наглядным принципам, выделить его основную группу прецедентов, разработать специальные критерии для определения этого понятия, чтобы максимально избежать некорректного и иррационального всего содержания, что неизбежно присуще общей оговорке [13, с. 378].

Размытость критериев нравственности подтолкнула многие современные правопорядки к отказу от понятия «добрые нравы». Так, вначале отказались Квебек и Луизиана, затем Французская законодательная система с принятием нового Гражданского кодекса в 2016 г. также исключила норму о «добрых нравах».

Объясняя причину исчезновения нормы, итальянский цивилист F. Potti указывает, что отсутствие точных границ и растущий плюрализм общества создают огромные проблемы для судей, которые должны указывать, в каких случаях сделка является аморальной, и, как следствие, такая неопределенность привела к очень ограниченному применению нормы защищающей «добрые нравы» [15, с. 259].

Российское законодательство установило тождественность понятий «добрые

нравы» и «нравственность» в ст.169 ГК РФ. Но в отличие от зарубежных правовых систем, российская кодификация имеет две нормы – ст.ст. 168 и 169 ГК РФ, которые, как заметил профессор Р.С. Бевзенко, составляют «систему двух фильтров грубой и тонкой очистки» и позволяют не пропускать те сделки, которые общество не хочет видеть действительными [5]. Исторически вопрос о наличии в российском законодательстве одновременно двух норм о недействительности сделки, противоречащей закону, и сделки, противоречащей основам правопорядка и нравственности, влекут некоторое состязание в правоприменении. Обыкновенно судебная практика применяет сочетание ст. 10 и ст. 168 ГК РФ.

Российский правопорядок представляет недействительные сделки как противоправные действия (правонарушения). Противоправность проявляется в нарушении выставляемых запретов, чем нарушаются субъективные права частных лиц либо публичный интерес, и причиняется тем самым вред соответствующим общественным отношениям [12, с. 29].

Вред возникает вследствие изменений в материальном и физическом мире, воздействие на которые оказывается действиями человека на эти изменения. Принципиально ничтожной со времен Древнего Рима считается сделка, в которой недостает одного из существенных требований, предъявляемых к ней, одним из которых является «защищаемая» правопорядком цель [7, с. 130]. Цель сделки – то, на что направлена воля сторон, она может быть отлична от мотива, но цель определяется мотивом. Мотив побуждает к действию; мотив – некое недостающее благо, ценность, которую нужно получить. Мотив никак не влияет на действительность сделки. Так, например, в пьесе В. Шекспира «Венецианский купец» целью договора займа для Шейлока являлось желание получить в случае неисполнения обязательства Антонио фунт мяса купца: «Его за то так ненавижу я, что он христианин; но вдвое больше еще за то, что в гнусной простоте займа дает он деньги

без процентов и роста курс сбивает между нас, в Венеции. Пусть мне хоть раз один ему бока пощупать доведется – уж ненависть свою старинную я утолю» [14, с. 61–62]. Мотивом сделки служило желание отомстить за унижения еврейского народа и нанесение убытков ростовщикам. Цель сделки – это порожденные ею права и обязанности. В рассматриваемом нами примере целью является наказание легкомысленного банкрота путем лишения его части плоти – что безнравственно. Данное основание является незаконным и поэтому не может защищаться правом порядком. Основание у сделки, которое явно противоречит нравственности, называлось у римлян позорным *tirpus* или безнравственным *contrabonusmores* [7, с. 131]. Постыдный или незаконный поступок не может являться основанием сделки и влиять на ее результативность. Условие, противоречащее привычному и массовому есть условие постыдное и влечет за собой ничтожность сделки по причине незаконности основания. Незаконность основания вытекает из незаконности мотива [7, с. 133].

К.И. Скловский в своей работе «Повседневная цивилистика» предлагает применять ст. 169 ГК РФ, когда в рамках уголовного процесса не удалось конфисковать имущество преступника. Объясняя свое предложение тем, что найти состав, описываемый в статье 169 ГК РФ, невозможно, не признав одновременно вины того или иного человека в преступлении [10, с. 187].

На текущий момент позиция Верховного суда по данному вопросу противоположна предположениям профессора К.И. Скловского. Привлечение к уголовной ответственности не означает, что сделка является недействительной и безнравственной. Правоприменитель, мотивируя свою позицию в Определении ВС РФ от 06.09.2016 г. № 16-КГ16-30, указал, что привлечение лица к уголовной ответственности по ст. 159 УК РФ само по себе не может являться безусловным основанием для квалификации сделок совершенных виновным лицом, как антисоциальных.

Понятие «основы правопорядка» и «нравственность» являются понятиями оценочными, и их содержание зависит от того, как их трактуют участники гражданского оборота и правоприменитель. Однако они не являются настолько неопределенными, чтобы не обеспечивать единообразное понимание и применение соответствующих законоположений. Напротив, данные нормы способствуют устранению пробелов в праве. Расширяя возможности суда в случае отсутствия специальной нормы, в целях защиты слабой стороны от поведения, противоречащего устоявшемуся, традиционному поведению, сформированному в обществе в продолжение исторического развития.

Эти понятия – «основы правопорядка» и «нравственности» в современном мире изменчивы и зависимы от времени и места их применения, ведь при рассматриваемом ранее нами споре у Шекспира почтенный додж, выслушивая заявления сторон, не осмелился предположить, что сделка безнравственна, наоборот, молодой ученый, присутствующий в процессе, говорит: «Иск затеяли вы странный; но вместе с тем такого рода он, что помешать не могут вам законы Венеции» [14, с. 179]. То, что сегодня, кажется, противоречащим основам правопорядка и нравственности, вчера было или может оказаться завтра вполне нормальным и соответствовать социальному порядку, то же самое касается и места. Правоприменитель должен ориентироваться на преобладающие этические воззрения в нормальном общественно-политическом устройстве как на способ поддержания общественной дисциплины. Статья 169 ГК РФ помогает восполнить пробелы в праве, определяя общие принципы права и его социальную значимость.

Верховный Суд, разъясняя применение статьи 169 ГК РФ, устанавливает, что к таким сделкам могут быть отнесены, в частности, сделки, направленные на производство и отчуждение объектов, ограниченных в гражданском обороте; сделки, нарушающие семейные правоотношения между родителями и детьми; сделки, направленные на изготовление или распро-

странение агитационной военной продукции, расовой, национальной или религиозной вражды, подчеркивая необходимость установления судами, цели сделки как заведомо противоправной (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25).

Судебная практика защищает образцы нравственного поведения родителей по отношению к детям, признавая сделку ничтожной и противоречащей нравственности и основам правопорядка при отчуждении родителем жилых помещений с целью ущемления прав детей (Определение ВС РФ от 15.10.2013 г. № 5-КГ13-88); при не сознательности родителя, отчуждающего жилое помещение с целью ущемления прав детей и фактически оставляющий их без попечения (Определение КС РФ от 25.10.2018 г. № 2572-О), такие действия могут свидетельствовать о несовместимом с основами нравственности характере сделки и злоупотреблении правом.

По мнению А.Г. Карапетова, возможно и неуместное использование ст. 169 ГК РФ в целях обхода правил об исковой давности, например, где в силу закона должен работать режим оспоримости сделки, применяется годичный срок давности, заинтересованные лица пытаются добиться от суда ничтожности и при применении ст.169 ГК РФ к ростовщическим процентам (займам, предоставленным с условием по процентной ставке, в несколько раз превышающей средние ставки по аналогичным сделкам) [9, с. 409].

В заключение следует отметить, что особенность признания ничтожности сделок, совершенных с целью, противной основам правопорядка или нравственности, ограничивает принцип свободы договора; из-за разнообразия жизненных ситуаций носит оценочный характер, который необходим для специальной правовой защиты слабой стороны сделки или публичного интереса; в случаях, когда прямо не нарушаются требования закона или иного правового акта и может быть применима для восполнения пробелов в праве, в условиях противоречия существу социального правопорядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Определение ВС РФ от 15.10.2013 г. № 5-КГ13-88. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Определение ВС РФ от 06.09.2016 г. № 16-КГ16-30. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Определение Конституционного Суда РФ от 25.10.2018 г. №2572-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. *Бевзенко Р.С.* Ничтожность сделок, противных добрым нравам ст. 169 ГК РФ. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=neujBBXicKM&t=32s> (дата обращения: 24.10.2019).

6. *Желонкин С.С.* Недействительность антисоциальных сделок, нарушающих основы нравственности и правопорядка: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011. 237 с.

7. Курс римского частного права / Чазаре Санфилиппо; пер. с итал. И.И. Маханькова; под общ. ред. Д.В. Дождева. М.: Норма, 2019. 464 с.

8. Политико-правовые ценности: история и современность / под ред. В.С. Нерсисянца. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 256 с.

9. Сделки, Представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: Статут, 2018. 944 с.

10. *Скловский К.И.* Повседневная цивилистика. М.: Статут, 2017. 288 с.

11. Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова, Т.Х. Керимова. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2015. 823 с.

12. *Тузов Д.О.* Теория недействительности сделок: Опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М.: Статут, 2007. 480 с.

13. *Цвейгерт К., Кёту Х.* Сравни-

тельное частное право. В 2-х т. Т. I. Основы. Т. II. Договор. Неосновательное обогащение. Деликт / пер. с нем. М.: Международные отношения, 2010. 728 с.

14. *Шекспир У.* Венецианский купец. М.: Белый город, 2019. 480 с.

15. *Potti F.* The Denial of Restitution Under Italian Law: A Perspective on Patel v. Mirza // The Max Planck Institute for Comparative and International Private Law. European Review of Private Law. 2018. № 26. P. 255–263.